

А. Г. Чукарев, Е. К. Демиховская

Друг и соратник Гете – генерал русской службы

Статья посвящена русскому периоду жизни Ф. М. Клингера (1752–1831) – немецкого писателя, поэта, автора драмы «Буря и натиск», давшей название направлению в литературной жизни Германии.

Выбрав военно-педагогическую деятельность и став генералом русской армии, он возглавлял Первый кадетский и Пажеский корпуса в Санкт-Петербурге. На этом поприще проявилось противоречие между передовыми просветительскими идеями Клингера-писателя и жестокой практикой его как администратора – воспитателя военной молодежи.

Ключевые слова: Ф. М. Клингер, кадеты, XIX век, Пажеский корпус, воинская дисциплина, иностранцы в России.

A. G. Chukarev, E. K. Demikhovskaya

Goethe's Friend and Companion-in-Arms – Russian Army General

The article is devoted to the Russian life period of F. M. Klinger (1752–1831), a German writer, poet, author of the drama «Storm and Stress», which gave the name of the literary trend in Germany.

Having chosen the military-pedagogical activities and becoming a General of the Russian army, he headed the First Cadet and Pages Corps in St. Petersburg.

In that career both the advanced educational ideas of Klinger the writer and Klinger the cruel administrator–tutor of the military youth contrasted.

Keywords: FM Klinger, Cadets, XIX century, the Corps of Pages, military discipline, foreigners in Russia.

В XVIII – начале XIX в. в Россию приезжало немало иностранцев. Одни из них прославили своими научными трудами новое Отечество: например, Леонард Эйлер, знаменитый математик, механик, физик и астроном. Другие, выполняя свой научный долг, погибли. Так, физик Г. В. Рихман, изучая атмосферное электричество, был насмерть поражен разрядом шаровой молнии во время уникального эксперимента. Третьи приезжали в качестве разных учителей, например, «французик» из Бордо в драме А. Грибоедова «Горе от ума» [17].

Фридрих Максимилиан Клингер (1752–1831) был хорошо известен литературоведам как талантливый прозаик, друг и соратник Гете и других штюрмеров, одно из произведений которого – драма «Sturm und Drang» («Буря и натиск», 1776) – дало в 70-е гг. XVIII в. название прогрессивному движению «бурных гениев», течению в немецкой литературе и общественной жизни Германии.

В этом году исполняется 265 лет со дня рождения Ф. М. Клингера и 237 лет с момента приезда его в Россию.

Приехав в Россию 28-летним молодым человеком, Клингер принял русское имя Федор Иванович и оставался в нашей стране, выступая в различных ипостасях, более полувека, до конца

жизни.

Это был человек необыкновенной судьбы. «Сын прачки», как сказал о Клингере Максим Горький, и унтер-офицера франкфуртской полиции, Клингер был другом Гете, Гердера, Шиллера, Бюргера, Ленца. Вместе с ними он боролся за национальное единство Германии, за ее демократизацию. Отдав пыл юности театру, он увлекся литературной борьбой и за два года (1774–1776) написал пять пьес. В 1776 г. Клингер закончил знаменитую трагедию «Близнецы», в которой он разрабатывает характерный для периода «бурных стремлений» мотив братоубийства. «Его трагедия “Близнецы” произвела удивительный эффект в Германии, обратила на него общее внимание и дала ему место между первоклассными писателями. Несколько подобных сочинений повлекли за собой толпу подражателей, и этот род, смесь глубокого чувства с едкой сатирой, пылкой фантазии с нагой существенностью, назван в Германии Клингеровым родом», – писал Ф. Булгарин [6, с. 109].

Одна из его драм посвящена войне за независимость жителей британских колоний в Северной Америке. Так, герой драмы «Новая Аррия» (1776) – юноша Вильд, человек несгибаемой воли и сильных страстей, отправляется за океан сражаться в рядах республиканцев под командо-

ванием Джорджа Вашингтона.

В 1780 г. после тщетных попыток найти службу на родине Клиндер приехал в Россию, прибыл в Петербург, выражаясь словами поэта, «на ловлю счастья и чинов». Екатерина II, которой он был представлен еще в Германии, предложила ему избрать в России какое-нибудь место, сообразное с его характером и родом занятий. Государыня чрезвычайно удивилась, когда Клиндер избрал военное поприще. Он был принят прямо офицерским чином, и вскоре определен чтецом к цесаревичу и наследнику престола, Павлу Петровичу. В майорском чине он был определен в кадетский корпус.

Между сентябрем 1781 и декабрем 1782 г. в свите великокняжеской четы как их личный библиотекарь Клиндер совершил большое путешествие по Западной Европе. Он сопровождал «графа и графиню Северных» (von Norden), как официально именовались Павел и его супруга, хотя это прозрачное «инкогнито» ни в какой стране и ни для кого, с кем они встречались, не являлось загадкой [15, с. 107–109].

Затем он вступил в русскую армию при подготовке России к войне с Турцией и скоро достиг высоких чинов. В мае 1783 г. Клиндер находился в русском военном лагере на границе с Молдавией. Здесь он в свободное от военных маневров и экзерциций время написал «Историю о Золотом Петухе» – один из его первых опытов в повествовательной художественной прозе.

Живя в России, Клиндер создал ряд значительных произведений – несколько драм и цикл социально-критических романов, занявших видное место в классической литературе Германии. Они показывают, как сильно его волновали социальные и политические противоречия феодального общества, как глубоко было его отвращение ко всяким формам угнетения, то есть идеи французских просветителей были восприняты им глубоко, а роман «Эмиль» Ж.-Ж. Руссо был его настольной книгой. «Взгляды, там высказанные и покорившие весь образованный мир, – писал Гете, – для него оказались тем более плодотворными. В его произведениях... мы сталкиваемся с суровым разумом, со здравым смыслом, с живым воображением, острой наблюдательностью по отношению к человеческой разнородности и характерным изображением типических различий» [7, с. 436].

Карьере Клиндера в России помогло не только то, что, по словам Гете, он был красивым мужчиной: «Природа одарила его высокой, стройной,

пропорциональной фигурой и правильными чертами лица. Он следил за собой, хорошо одевался и по праву мог считаться самым красивым из всей нашей небольшой компании. Манеры его, не предупредительные, но и не высокомерные, были сдержанны, покуда в нем не начинала бушевать буря». Гете весьма положительно относился и к творчеству Клиндера, считая, что ему «присущи веселость и благодушие, остроумие, а иной раз на редкость счастливые озарения» [7, с. 435].

В 1790 г. он женился на русской – Елизавете Александровне Алексеевой (1769–1847), дочери полковника Алексеева, которая на самом деле была побочным ребенком графа Г. Г. Орлова и сестры графа Ф. Ф. Буксгевдена и, следовательно, принадлежала к высшему кругу петербургской знати. Она пережила мужа на 13 лет и умерла в Петербурге, неукоснительно выполнив требование покойного мужа – полностью сожгла все оставшиеся от него бумаги. Их сын Александр, российский офицер, погиб в 1812 г. под Бородино [4, с. 103].

Академик М. П. Алексеев посвятил отдельную работу проблеме «Пушкин – Клиндер», указав в ней на «Историю о Золотом Петухе» как на один из возможных источников «Гавририады» и «Сказки о золотом петушке», преобразившей символику повести Клиндера [1, с. 85].

О связи второй сцены «Скупого рыцаря» А. С. Пушкина и одного из эпизодов четвертой книги романа Клиндера «Жизнь, деяния и гибель Фауста» (1791) писала современная исследовательница О. В. Астафьева [3].

* * *

Однако главной (и весьма неоднозначной) деятельностью Клиндера и оставалась педагогическая деятельность в качестве руководителя в 1-ом Петербургском и Пажеском корпусах.

В начале XIX в., при Александре I, число кадетов в 1-м Петербургском кадетском корпусе, освобождавшемся от прусских традиций, значительно возросло и составило 1 тыс. человек. Корпус готовил офицеров для различных родов войск. Строевая выучка занимала в нем одну из ведущих дисциплин. «И мы, – вспоминает известный писатель и журналист Фаддей Булгарин, – вскоре сравнялись с полками гвардии по фронтовой службе. ... Науки шли своим чередом, под надзором директора Ф. И. Клиндера, который вовсе не занимался фронтовой службой, и ни разу не командовал ни на учении, ни на параде. Это исполнял обыкновенно старший

полковник...» [6, с. 126, 127].

Свою службу в Шляхетском кадетском корпусе, названном при Павле I 1-м Петербургским, Клиндер в 1785 г. начинал в чине майора, офицером-воспитателем. С восшествием на престол Павла I он стал быстро продвигаться по служебной лестнице: в 1798 г. стал полковником, а в конце того же года – генерал-майором. С февраля 1801 по 1820 г. Клиндер – директор 1-ого корпуса. Он не пользовался любовью и уважением своих воспитанников, был человеком «железной дисциплины», суровым, педантичным, холодным, но в то же время честным, прямым и чуждым лести [3, 25]. Совсем не зная своих воспитанников, никогда не говорил с ними и посещал классы и роты не иначе, как в чрезвычайных случаях, отмечает историк военно-учебных заведений М. С. Лалаев [14, с. 126].

В начале XIX в., по словам другого воспитанника Первого корпуса, К. Зенденгорста, Клиндер был «весьма угрюмый и суровый человек» [10, с. 36–47]. «...Ни одна душа в корпусе не видела его улыбки, – писал Булгарин. – Он был строг в наказаниях и не прощал никогда. С кадетами он никогда не разговаривал и никогда никого не ласкал. Он только тогда обращался с вопросом к кадетам, когда хотел узнать, наказаны ли они по его требованию. “Вам розги дали?” – спрашивал он обыкновенно. – “Дали”, – отвечал кадет. – “Вам крепко дали?” – “Крепко!” – “Хорошо!” – Этим оканчивалась беседа. Одно только могло смягчить Клиндера, а именно когда кадет мог объясняться с ним по-французски или по-немецки. Тогда он даже выслушивал просьбы и жалобы, и тогда можно было удостовериться, что если в сердце его не было отеческой нежности к нам, то была, по крайней мере, справедливость» [6, с. 112–113].

Об этом же пишут и другие мемуаристы. «...Учебное заведение, пользовавшееся заслуженной славой во время блистательного управления корпусом графа Ф. Ангальта в феврале 1801 г., – вспоминает учившийся в то время в 1-м кадетском корпусе генерал Д. А. Кропотков, – поступило в заведывание генерал-майора Клиндера. Этот известный ученостью германский писатель оставил по себе печальную память в том воспитательном заведении, которое императрица Екатерина II называла «рассадником великих людей». На воспитание доверенного ему юношества он не обращал никакого внимания и весьма часто по целым месяцам не видал воспитанников. С утра до ночи он сидел безвыходно в своем каби-

нете, занимаясь своими литературными произведениями, которые пересылал потом для напечатания за границу... Минуты отдохновения он проводил со своими собаками, которых имел множество, любил сам их кормить и учил скакать через палку» [13, с. 9].

Время клиндеровского управления можно без преувеличения назвать временем террора. Во все годы руководства Первым корпусом с кадетами Клиндер был неумолимо строг.

Обилие и жестокость введенных им телесных наказаний могут показаться невероятными. Неразборчивость и немилосердие его выходили из границ справедливости и благоразумия. За самые невинные детские шалости Клиндер определял от 30 до 50 ударов, но при более важных проступках число их утраивалось. Других наказаний, кроме розог, он не знал. Утром почти ежедневно в каждой роте раздавались раздирающие вопли и крик детей [12, с. 74].

Со всеми воспитанниками он обращался только на французском языке, а инспектор классов переводил его распоряжения по-русски, «отдавая приказание заключить виновного кадета в тюрьму (так тогда назывался карцер), Клиндер говорил: *На турма ево*. Вот все, что он мог сказать на русском языке». Заключали в тюрьму на неделю и более. «По рассказам кадет, находившихся в заключении, эта тюрьма состояла из небольшой отдельной комнаты, куда проникал слабый свет чрез небольшое окошечко с железной решеткой; в ней находились кровать и стол, прибитые к полу; кровать без соломенника, а вместо подушки были прибиты доски в наклонном положении; с виновного снимали мундир и надевали солдатскую шинель, и он находился на пище св. Антония: на хлебе и воде. Когда оканчивался срок заключения, ротный командир приходил в тюрьму, сопровождаемый четырьмя служителями с пучками розог, и заключенный подвергался жестокому телесному наказанию, всегда тщательно скрываемому от кадет».

«Кадеты, испытывавшие телесное наказание, рассказывали, – вспоминает К. Зенденгорст, – будто бы розги “вымачивались в воде”, чтобы сделать наказание более “чувствительным”. Если допустить справедливость таких рассказов, – продолжает мемуарист, – то, по всей вероятности, это делалось без ведома ротных командиров, самими служителями, так как между ними были очень грубые и жестокие люди; исполняя обязанность “палачей” при экзекуциях, они секли кадет без всякой к ним жалости.

Такое жестокое и позорное для благородного юношества телесное наказание, оскорбляя врожденные благородные и возвышенные чувства, озлобляло многих кадет до невероятности...» [10, с. 37, 43].

Отрицательно характеризует Клингера и учившийся в 1815 г. будущий декабрист А. Е. Розен. «Директором корпуса, – пишет Розен, – был тогда генерал Максимилиан Клингер, глубокомысленный ученый писатель, скептик, знаменитый классический писатель Германии, но плохой директор: угрюмый в обращении, скупой на слова, медленный в походке, причем прозвали его «белым медведем». Хорошо помню его, когда через два года, быв уже унтер-офицером и дежурным по корпусу, приходилось рапортовать ему до пробития вечерней зори... Всякий раз заставлял его с трубкой с длинным чубуком, в белом халате в колпаке, полулежащего в вольтеровских креслах, с закинутым пюпитром и с пером в руке. Может статья, он сочинял тогда своих «Братьев-близнецов», приписываемых одно время гениальному Гете. Бывало, медленно повернет голову, выслушает рапорт, кивнет головой и продолжает писать» [18, с. 65–66]. Как уже сказано, только в 1820 г. генерал Клингер был уволен от звания директора 1-го Санкт-Петербургского кадетского корпуса.

В то же время по предложению Клингера, из хозяйственных сумм 1-го корпуса был основан капитал, из процентов которого выдавались пособия неимущим кадетам при производстве их в офицеры.

Клингер был ведущим автором проекта реформы Пажеского корпуса. В поисках человека, способного реформировать корпус, Александр I остановился на генерале Федоре Ивановиче Клингере. Ему было поручено составление нового «Положения». За несколько дней Клингер разработал и представил царю свой план преобразований, который в начале сентября 1802 г. Александр I утвердил. В том же году он издал рескрипт об учреждении Пажеского корпуса, преобразованного из придворного пансиона в военную школу, чтобы «подготовить молодых людей из лучших родовитых и служилых семей для службы в рядах войск». Задачей корпуса являлось, как говорится в проекте, «готовить дворян к офицерскому званию и средство для этого – дисциплина и нужные офицеру познания для удовлетворения требованиям военного искусства. Дисциплину внедрять по заветам Суворова

– показом» [15, с. 38, 39, 40–41].

Став замещающим главного начальника Пажеского корпуса, генерал Клингер, вспоминает его выпускник П. М. Дараган, занимался немецкою литературою и писал философские романы. Это был человек желчный, сухой, угрюмый, один из первых писателей реальной школы в Германии [16, с. 95].

Живя в России, Клингер поддерживал связи с Гете. Судя по записи в дневнике театрала С. П. Жихарева от 20 марта 1805 г., Гете снабдил дирижера австрийской оперной труппы Сигизмунда Нейкома письмом «к петербургскому другу своему генералу Клингеру» [8, с. 64–65]. Об этой связи Клингера с Гете говорится и в письме декабриста В. Кюхельбекера поэту А. А. Дельвигу, написанном в 1820 г. и напечатанном позднее в альманахе «Мнемозина», издаваемом им совместно с В. Ф. Раевским в 20-е гг. XIX в. Рассказывая о встрече с великим немецким писателем Гете, Кюхельбекер пишет: «Я видел “бессмертного”: я принес ему поклон от Клингера...» [13, с. 120–121].

Клингер активно посещал в Петербурге театр, восхищался игрой молодых талантливых артистов, в частности рижанина Гебгарда, с блеском исполнившего роль Филиппа Брока в драме немецкого драматурга Инфланда «Питомка». По этому поводу 20 мая 1807 г. С. П. Жихарев сделал в дневнике такую запись: «Актер понравился, публика была в восхищении, аплодисментам не было конца. Его вызывали, а генерал Клингер, друг Гете, сам знаменитый писатель и опытный знаток в искусстве, сидевший в креслах, громко и с жаром сказал: «Наконец-то дождалась мы настоящего любовника!»

Клингер пользовался большой известностью при дворе, но чувствовал себя в России плохо: он до конца жизни делил человечество на «людей» и «русских» [11, с. 24–25]. Борясь с критическими настроениями среди воспитанников кадетского и Пажеского корпусов, вольнолюбивыми настроениями в возглавляемых им военно-учебных заведениях, Клингер доходил до прямого сикофанства. Как можно иначе сказать о человеке, доносившем на юного камер-пажа П. И. Пестеля, будущего декабриста, позднее основателя Южного общества, и одновременно писать следующее: «Всякая система угнетения людей, установленная правителями, какой бы характер она ни носила – политический или религиозный – должна в конце концов уступить дорогу свободным, вечно живым, не дремлющим

духовным силам человечества» [20, с. 172].

Клинггер, по словам Ф. Булгарина, приютившую его страну не любил и презрительно отзывался о ней. По его собственным словам, он жил в России телом, а душой – в Германии. Естественно, все это сказывалось и на отношении к кадетам. Двум немецким писателям, приехавшим в Россию искать счастье, он отсоветовал остаться здесь, узнав, что они не намерены отказаться от литературы. «Здесь надобно иметь только хороший желудок, – сказал Клинггер, – а с хорошей головой поезжайте в Германию!» [6, с. 112–113].

Однако сложен и глубок человек! Булгарин не совсем прав, обвиняя Клинггера в русофобии. Будучи попечителем Дерптского учебного округа, он настойчиво добивался улучшения преподавания русского языка и русской словесности. Поэтому не случайно Александр I ввел Клинггера в совет при министре просвещения графе Завадовском. Профессора Дерптского университета – в основном немцы – обвиняли его в том, что он «ставленник русских», что «немец в нем совершенно обрусел», что он замещает профессорские должности русскими людьми [4, с. 10–11]. В то же время Клинггера обвиняли в безбожии.

В начале 1811 г. попечитель Московского учебного округа П. И. Голенищев-Кутузов представил министру просвещения графу Разумовскому клеветнический донос, что «в Дерпте профессора явно проповедают безбожие, и, пока Клинггер будет там попечителем, не будет никакой доверенности к университету, ибо Клинггера вся Лифляндия ненавидит яко человека дурных правил, злобного и безбожного». В том же духе были написаны «всеподданнейшие письма» известного обскуранта М. Л. Магницкого, который оценил Клинггера – уже после его смерти – в своих мемуарах как «одного из важнейших и самых известных безбожностью своих сочинений умов, вроде Вольтера» [1, с. 91].

По поводу отношения Клинггера к России современные исследователи имеют ряд мнений. Так, литературовед О. Смолян отметила, что Клинггер высказывает чрезвычайно высокое мнение о достоинствах русского народа, говоря о нем с настоящим уважением: «Для Клинггера Россия не была однородна: с уважением относился писатель к народу страны, в которой жил и работал, и с презрением – к придворной среде, в которой ему приходилось вращаться. Вот это последнее обстоятельство, в сочетании с широко известным вольнодумством Клинггера, с независимостью его суждений, и явилось причиной от-

рицательного отзыва Булгарина» [19, с. 16].

Выдающийся и замечательный по-своему человек, Клинггер в России вынужден был вести как бы двойную жизнь: Клинггер-генерал был на виду, Клинггер-писатель скрыт от окружающих. В России были запрещены все его лучшие романы – «Жизнь Фауста, его Деяния и гибель в аду», «История Рафаэля», «Путешествия до Потопа», «История современного немца» и «Светский человек и поэт».

В своих «Наблюдениях и размышлениях», в том числе и о России, Клинггер так охарактеризовал эпоху, сменившую «дней Александровых прекрасное начало»: «Все для глаз, все для уха! Для первого – роскошные церемонии, для второго – звучные слова без политического смысла. А для языка – решетка, для ума – грозный, страшный надсмотрщик».

В 1816 г. Клинггер был лишен должности по Министерству народного просвещения. Историк Н. М. Карамзин писал по этому поводу поэту И. И. Дмитриеву: «Клинггер уволен, мне сказывали, что он считается вольномыслящим» [4, с. 4, 11–12]. Весьма расположен был к Клинггеру и поэт В. А. Жуковский, бывавший у него дома в 1820-х гг. и находившийся с ним в переписке [1, с. 92].

Современные исследователи дают высокую оценку Ф. М. Клинггеру прежде всего как писателю, мало или почти не касаясь его педагогической деятельности в России и его жестокости как воспитателя. В «Краткой литературной энциклопедии» о нем говорится следующее: «...Клинггер переехал в Россию, где достиг чина генерал-лейтенанта и занял пост попечителя Дерптского университета. Несмотря на это, Клинггер остался последователем французских просветителей, особенно Ж. Ж. Руссо» [5, с. 600–601]. В монографии «Гете в русской литературе» известный литературовед В. М. Жирмунский также благоприятно отзывался о Клинггере, называя его «бурным гением, умершим в 1831 г. генералом русской службы» [9, с. 170].

Но из всего сказанного выше об отрицательных чертах личности соратника Гете, безусловно, вытекает вывод, что даже такого выдающегося писателя, как Клинггер, лучше знать только по его книгам, где он прогрессивнее, добрее, чем в жизненных реалиях. Однако таковыми являются, видимо, большинство людей пера.

Библиографический список

1. Алексеев, М. П. Заметки на полях. 6. Пушкин и повесть Ф. М. Клинггера «История о Золотом Петухе»

[Текст] / М. П. Алексеев // Временник Пушкинской комиссии. 1979 / Ред. М. П. Алексеев; АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. – 183 с.

2. Ангальт, Ф. Ф. [Текст] / Ф. Ф. Ангальт // Русский биографический словарь : в 20 т. – Т. 1. – М.: Terra-Kn. Клуб, 1998. – С. 264–265.

3. Астафьева, О. В. Пушкин и Клиnger [Текст] / О. В. Астафьева // Пушкин и его современники : сборник научных трудов. Вып. 1 (40) / под ред. Д. С. Лихачева, В. Э. Вацура, С. А. Фомичева. – СПб.: Академический проект, 1999. – С. 208–212.

4. Афанасьев, В. Рылеев. Жизнеописание [Текст] / В. Афанасьев. – М.: Молодая гвардия, 1982. – 319 с. (Сер. «ЖЗЛ»).

5. Банникова, Н. П. Клиnger, Ф. М. [Текст] / Н. П. Банникова // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. / Гл. ред. А. А. Сурков. – Т. 3. – М.: Сов. энцикл., 1966. – Стлб. 600–601.

6. Булгарин, Ф. Воспоминания [Текст] / Ф. Булгарин. – М.: Захаров, 2001. – 763 с.

7. Гете, И. В. Из моей жизни: Поэзия и правда [Текст] / И. В. Гете. – М.: Худож. лит., 1969. – 608 с.

8. Жихарев, С. П. Записки современника [Текст] : [Воспоминания старого театрала] Т. 1 / С. П. Жихарев. – Л.: Искусство, 1989. – 311 с.

9. Жирмунский, В. М. Гете в русской литературе. [Текст] / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1982. – 560 с.

10. Зенденгорст, К. Из воспоминаний. Первый кадетский корпус. 1813–182 гг. [Текст] / К. Зенденгорст // Кадеты, гардемарин, юнкера. Мемуары воспитанников военных училищ XIX века. – М.: Ломоносов, 2012. – С. 36–42 (Сер. «История воспитания»).

11. Клиnger, Ф. М. [Текст] / Ф. М. Клиnger // Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А. Энциклопед. словарь. Биографии. Т. 6. – М.: Большая российская энцикл., 1997. – С. 25.

12. Кропотков, Д. А. Несколько сведений о Рылееве. Отрывки [Текст] / Д. А. Кропотков // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников : в 2-х тт. – Т. 2. – М.: Худож. лит., 1980. – (Серия лит. мемуаров). – 488 с.

13. Кропотков, Д. А. Несколько слов о Рылееве. Отрывки. [Текст] / Д. А. Кропотков // Декабристы в воспоминаниях современников : [Сб. ст.] / сост., общ. ред., вступ. ст. [с. 5–27] и коммент. В. А. Федорова. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 507, [1] с.

14. Лалаев, М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1880 [Текст] / М. С. Лалаев. – СПб., 1880. – 294 с. (с прилож.)

15. Павел Первый глазами современников [Текст] : [антология] / [сост., предисл., коммент. Е. Лелиной]. – СПб.: Амфора, 2016. – 415 с. (Сер. «Русские мемуары»).

16. Пажеский Его Императорского Величества корпус : сб. документов и воспоминаний [Текст]. – М.: Интербук-бизнес, 2004. – 280 с.

17. Пуччо, Дж. Все флаги в гости будут к нам: вклад иностранцев в развитие России [Текст] / Дж. Пуччо. – СПб.: Alexandria, 2008. – 288 с.

18. Розен, А. Е. Записки декабриста [Текст] / А. Е. Розен. – Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1984. – 480 с.

19. Смолян, О. А. Ф. М. Клиnger [Текст] / О. А. Смолян [вступит статья] // Клиnger Ф. М. Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад / пер. с нем. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1961. – С. 3–24.

20. Экштут, С. А. На службе российскому Левиафану: Историософские опыты [Текст] / С. А. Экштут. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – 324 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Alekseev, M. P. Zametki na poljah. 6. Pushkin i povest' F. M. Klingera «Istorija o Zolotom Petuhe» [Tekst] / M. P. Alekseev // Vremennik Pushkinskoj komisii. 1979 / Red. M. P. Alekseev; AN SSSR. OLJa. Pushkin. komis. – L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1982. – 183 s.

2. Angal't, F. F. [Tekst] / F. F. Angal't // Russkij biograficheskij slovar' : v 20 t. – T. 1. – M.: Terra-Kn. Klub, 1998. – S. 264–265.

3. Astafeva, O. V. Pushkin i Klinger [Tekst] / O. V. Astafeva // Pushkin i ego sovremenniki : sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 1 (40) / pod red. D. S. Lihacheva, V. Je. Vacuro, S. A. Fomicheva. – SPb.: Akademicheskij proekt, 1999. – S. 208–212.

4. Afanas'ev, V. Ryleev. Zhizneopisanie [Tekst] / V. Afanas'ev. – M.: Molodaja gvardija, 1982. – 319 s. (Ser. «ZhZL»).

5. Bannikova, N. P. Klinger, F. M. [Tekst] / N. P. Bannikova // Kratkaja literaturnaja jenciklopedija : v 9 t. / Gl. red. A. A. Surkov. – T. 3. – M.: Sov. jencikl., 1966. – Stlb. 600–601.

6. Bulgarin, F. Vospominanija [Tekst] / F. Bulgarin. – M.: Zaharov, 2001. – 763 s.

7. Gete, I. V. Iz moej zhizni: Pojezija i pravda [Tekst] / I. V. Gete. – M.: Hudozh. lit., 1969. – 608 s.

8. Zhiharev, S. P. Zapiski sovremennika [Tekst] : [Vospominanija starogo teatrala] T. 1 / S. P. Zhiharev. – L.: Iskusstvo, 1989. – 311 s.

9. Zhirmunskij, V. M. Gete v russkoj literature. [Tekst] / V. M. Zhirmunskij. – L.: Nauka, 1982. – 560 s.

10. Zengorst, K. Iz vospominanij. Pervyj kadetskij korpus. 1813–182 gg. [Tekst] / K. Zengorst // Kadety, gardemarin, junkera. Memuary vospitannikov voennyh uchilishh XIX veka. – M.: Lomonosov#, 2012. – S. 36–42 (Ser. «Istorija vospitanija»).

11. Klinger, F. M. [Tekst] / F. M. Klinger // Brokgauz F. A. i Efron I. A. Jencikloped. slovar'. Biografii. T. 6. – M.: Bol'shaja rossijskaja jencikl., 1997. – S. 25.

12. Kropotov, D. A. Neskol'ko svedenij o Ryleeve. Otryvki [Tekst] / D. A. Kropotov // Pisateli-dekabristy v vospominanijah sovremennikov : v 2-h tt. – T. 2. – M.: Hudozh. lit., 1980. – (Serija lit. memuarov). – 488 s.

13. Kropotov, D. A. Neskol'ko slov o Ryleeve. Otryvki. [Tekst] / D. A. Kropotov // Dekabristy v vospominanijah sovremennikov : [Sb. st.] / sost., obshh. red., vstup. st. [s. 5–27] i komment. V. A. Fedorova. – M. : Izd-vo MGU, 1988. – 507,[1] s.
14. Lalaev, M. S. Istoricheskij ocherk voenno-uchebnyh zavedenij. 1700–1880 [Tekst] / M. S. Lalaev. – SPb., 1880. – 294 s. (s prilozh.)
15. Pavel Pervyj glazami sovremennikov [Tekst] : [antologija] / [sost., predisl., komment. E. Lelinoj]. – SPb. : Amfora, 2016. – 415 s. (Ser. «Russkie memuary»).
16. Pazheskij Ego Imperatorskogo Velichestva korpus : sb. dokumentov i vospominanij [Tekst]. – M. : Interbuk-biznes, 2004. – 280 s.
17. Puchcho, Dzh. Vse flagi v gosti budut k nam: vklad inostrancev v razvitie Rossii [Tekst] / Dzh. Puchcho. – SPb. : Alexandria, 2008. – 288 s.
18. Rozen, A. E. Zapiski dekabrista [Tekst] / A. E. Rozen. – Irkutsk : Vost.-Sib. izd-vo, 1984. – 480 s.
19. Smoljan, O. A. F. M. Klinger [Tekst] / O. A. Smoljan [vstupit stat'ja] // Klinger F. M. Faust, ego zhizn', dejanija i nizverzhenie v ad / per. s nem. – M. : Gos. izd-vo hudozh. lit., 1961. – S. 3–24.
20. Jekshtut, S. A. Na sluzhbe rossijskomu Leviafanu: Istoriosofskie opyty [Tekst] / S. A. Jekshtut. – M. : Progress-Tradicija, 1998. – 324 s.